

УДК 340.15
ББК 67.0

ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ КЛАССИФИКАЦИЙ СИСТЕМ К ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ

В.Д. Рузанова

В статье предпринята попытка применить положения общей теории систем, касающиеся видов систем, для характеристики гражданско-правовой законодательной системы. При этом делается вывод, что последняя является социальной целенаправленной искусственной сложной системой, стремящейся быть завершенной органичной системой. Утверждается, что она одновременно может выступать в виде материальной и идеальной системы.

Ключевые слова: система, классификация систем, органичная система, неорганичная система, суммативность, право, законодательство, гражданско-правовая законодательная система.

В правовых исследованиях неоднократно предпринимались попытки представить право и законодательство в виде систем с использованием положений общей теории систем. В юридической литературе в связи с этим был поставлен важный методологический вопрос: насколько и в каком объеме к исследованию правовых явлений вообще и к изучению права и законодательства в частности применима указанная теория. По данному вопросу высказаны различные позиции, в том числе сформировавшиеся в советский период, поэтому имеющие в определенной мере идеологическую окраску. Однако это не снижает научной ценности сделанных выводов и наблюдений.

Одни авторы, в частности С.С. Алексеев, полагают, что поскольку в философской литературе общие определения и конструкции теории систем «ориентированы на “специфический материал технических и естественных наук”», то далеко не все положения этой теории, «которые рассматриваются в качестве “общих”, могут быть распространены на право» [2, с. 12].

Другие ученые считают, что при изучении права и законодательства как систем речь

может идти не об использовании полного аппарата системного подхода (особенно в его математизированных частях, методах), а лишь о применении его понятий и категорий для описания этих объектов «под некоторым новым углом зрения» [14, с. 6–7]. Следует отметить, что данная позиция базируется на признании права и законодательства неорганичными системами.

Считаем, что положения общей теории систем, в том числе основная системная терминология, применимы и к праву и к законодательству с учетом особенностей последних и в рамках их принадлежности к тому или иному виду систем. Для изучения права и законодательства понятийный аппарат системного подхода представляет собой важнейший познавательный инструментарий. Применяя системно-структурный подход к исследованию гражданско-правового метода регулирования, В.Ф. Яковлев пишет, что он открывает новые аспекты в изучении метода, повышает значение этой категории, выдвигает ее на первый план [20, с. 13–14]. Данная оценка системно-структурного анализа позволяет увидеть его ценность и роль в изучении права и законодательства в целом.

В литературе предложено множество классификаций систем, проводимых по различным основаниям. Мы остановимся только на тех из них, которые, с нашей точки зрения, применимы к законодательству как сис-

теме, а именно на материальных и идеальных; естественных и искусственных; простых и сложных; целостных и суммативных; целенаправленных системах (системы целенаправленного поведения).

Прежде всего отметим, что многие авторы выделяют (по содержанию) материальные (реальные) и идеальные (абстрактные) системы [3, с. 49; 4, с. 27; 8, с. 247; 18, с. 7]. Материальные системы – это системы, которые существуют в объективной действительности (природе, обществе), идеальные же являются отражением первых в мышлении человека, выраженных через систему понятий. Признавая такую дихотомию, мы считаем необходимым отметить следующее. Все материальные системы могут быть представлены в виде идеальных, поскольку познание первых не может быть осуществлено иначе как через формирование их идеальных моделей. Идеальные системы с различной степенью полноты и точности, в той или иной мере в том или ином ракурсе отражают материальные системы. В связи с этим видится уместным привести рассуждения по этому поводу В.Г. Афанасьева. Отвечая на вопрос о том, существуют ли системы в объективном мире, или же они являются плодом разума человека и произвольно им конструируются, и не соглашаясь с распространенной точкой зрения, что система является лишь абстракцией (конструкцией), он пишет: «...они [системы] не только существуют в объективном мире, но и имеют место в мышлении, не только предстают перед человеком... в готовом виде, даны самой природой, обществом, но и конструируются, создаются людьми, могут быть и актуальными, и концептуальными и т. д.» [3, с. 49]. Поэтому, заключает автор, определять систему только как конструкцию неправомерно [там же, с. 49]. Вместе с тем мы допускаем возможность существования таких идеальных систем, которые не являются отражением какой-либо материальной системы, а выступают исключительно как «плод человеческой фантазии».

Второе деление (по происхождению) – это естественные и искусственные системы (например: [8, с. 247]). В противовес естественным системам искусственные – это системы, созданные человеком (спроектирован-

ные, сконструированные им) (например: [3, с. 50]). «Искусственное... – пишет В.П. Кузьмин, – прежде чем стать таковым, должно быть создано, то есть спроектировано и произведено. В нем реализуются цели человека, оно функционально обслуживает его разнообразные потребности» [9, с. 436 (автор раздела – В.П. Кузьмин)]. Как известно, диапазон искусственных систем чрезвычайно широк.

В литературе вопрос о степени сложности систем как критерии их деления на простые и сложные рассматривается с самых широких позиций и под различным углом зрения. Так, В.С. Тюхтин справедливо подчеркивает, что объективная характеристика сложности системы прежде всего зависит от качественных и количественных различий компонентов и связей системы, то есть от ее качественного и количественного разнообразия [7, с. 8]¹. По его мнению, с которым мы солидарны, разнообразие и сложность систем могут иметь, по крайней мере, следующие разновидности: 1) разнообразие и сложность состава системы, то есть ее дискретных компонентов; 2) разнообразие и сложность свойств системы; 3) разнообразие и сложность связей и отношений системы; 4) сложность относительной организованности сравниваемых систем, зависимость от сложности их связей и отношений и от числа иерархических уровней и подсистем [17, с. 27–28]. Афанасьев В.Г., в частности, указывает: «Диапазон сложности, характеризуемый количеством всех элементов, связей и отношений в единстве с их разнообразием, чрезвычайно велик: от почти нулевой, лишенной различий однородной сущности до высочайшей сложности, почти лишенной всякой однородности» [3, с. 51]. Он относит социальные системы к системам «высшей степени сложности».

Вопрос о целостных и суммативных системах для нас является принципиальным, поскольку именно данная классификация широко используется для характеристики права и законодательства как систем. Прежде всего, важно определиться с вопросом о соотношении понятий «суммативность» и «системность». В литературе данный термин получил самую различную интерпретацию: его употребляют для характеристики видов

систем, в качестве обозначения типов связи элементов и (или) типов структур.

Прежде чем рассмотреть приведенную классификацию систем, необходимо остановиться на проблеме применимости понятия «система» к тем или иным совокупностям объектов. Как справедливо отмечает В.П. Кузьмин, чтобы понять, что такое система, надо, прежде всего, знать, чем она отличается от несистемы [8, с. 257]. По вопросу о том, все ли совокупности являются системами, в литературе сформировались две противоположные позиции: одни авторы к системам причисляют все совокупности [1, с. 39; 3, с. 46–47; 7, 158–159 (автор – Ю.А. Урманцев); 17, с. 11–12], другие же не относят к системам так называемые неорганизованные совокупности [5, с. 32; 6, с. 176–177]. По сути, данный спор, в конечном итоге, сводится к проблеме о самом понимании системы: должна ли она иметь признак целостности (то есть интегративные свойства) или же для нее достаточно наличия некой упорядоченности². Причем в пользу каждого подхода приводится целый набор различных аргументов. Остановимся на наиболее типичных рассуждениях.

Сторонники первого взгляда, в частности В.Г. Афанасьев, исходят из того, что системность является «всеобщим атрибутом материи и сознания», однако «целостность – это специфическое свойство, присущее далеко не всем феноменам действительности». Системы могут либо обладать системными интегративными качествами (целостные системы), либо не обладать таковыми (суммативные системы) [3, с. 46–47]. По мнению А.Н. Аверьянова, поскольку в неорганизованной совокупности существует связь между элементами, то неизбежно проявление определенных закономерностей и, следовательно, наличие временного или пространственного порядка [1, с. 39–41]³.

Приверженцы второй позиции, в частности И.В. Блауберг, В.Н. Садовский, Э.Г. Юдин, все совокупности делят на три больших класса: неорганизованные совокупности (примером их может служить куча камней, случайное скопление людей на улице и т. д.), неорганичные системы, органичные системы. Неорганизованная совокупность, по их мнению, лишена каких-либо существенных черт внутренней

организации, два других класса совокупностей (неорганичные и органичные системы) характеризуют наличие связей между элементами и появление в целостной системе новых свойств, не присущих элементам в отдельности [5, с. 32; 6, с. 176–179; 8, с. 257; 9, с. 416–418]. Таким образом, первая совокупность объектов к разряду систем вообще не относится.

В связи с этим нельзя не упомянуть и о позиции В.П. Фофанова, который выделяет два класса систем (по степени (типам) целостности): квазисистемы и «органические» системы. С точки зрения автора, о системах в собственном смысле слова, то есть об органической целостности объектов, можно говорить только в тех случаях, когда взаимозависимость преобладает, снимая собой независимость. Те же объекты, где взаимозависимость составляющих несущественна, она снимается независимостью – это не системы, а квазисистемы [19, с. 32–33]. Следовательно, в отличие от И.В. Блауберга, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина, В.П. Фофанов относит к «собственно системам» только органические целостности, оставляя за ее рамками «неорганичные системы» (по терминологии вышеназванных авторов).

Мы солидарны со второй позицией и считаем, что неорганизованные совокупности нельзя относить к системам, *поскольку такая широкая их трактовка в конечном итоге ведет к нивелированию существа системности объектов как специфического их качества.*

Примечательно, что деление систем на целостные и суммативные проводится теми авторами, которые относят неорганизованные совокупности объектов к системам, а целостность – к факультативному (видовому) признаку. Как отмечается в литературе, по Берталанти целостность характеризуется тем, что «изменение любого элемента оказывает воздействие на все другие элементы системы и ведет к изменению всей системы, и наоборот...»; при суммативности же «изменение любого элемента зависит только от него самого, изменение всей системы является суммой изменений не зависящих друг от друга ее элементов (взаимодействие в этом случае равно нулю)». Процесс «перехода системы от состояния целостности к состоянию сумма-

тивности» может быть определен как механизация [13, с. 173].

По мнению приверженцев данного мнения, суммативные системы имеют ряд признаков, отличающих их от целостных систем, а именно: главный признак – при включении или исключении компонентов ни сама система, ни ее компоненты не претерпевают сколько-нибудь заметных качественных изменений; каждый компонент этой системы автономен, его изменения зависят лишь от него самого, поскольку связи между компонентами носят внешний, крайне неустойчивый характер; единство компонентов здесь не имеет характера строго определенной, фиксированной структуры, организации; она не обладает ярко выраженной функциональностью, ей не свойственны самоорганизация, процессы управления; главное свойство – *аддитивность*; свойства системы равны сумме свойств ее компонентов [3, с. 46–47]⁴.

Сторонники взгляда на систему как целостное образование предлагают совершенно иную классификацию. По критерию «степень целостности» все системы, как указывалось, делятся на неорганичные и органичные системы. Данные системы объединяет именно признак целостности, выражающийся в наличии связей между элементами и появлении в целостной системе новых свойств, не присущих элементам в отдельности [5, с. 32; 6, с. 176–179]⁵.

Заметим, что в литературе для обозначения названных систем используются различные термины: «органичная система», «органическая система», «органичная структура», «органическая структура». Иногда различные термины применяются в рамках одной работы. Вместе с тем в литературе подчеркивается, что только по структурному принципу провести строгое разделение указанных систем довольно трудно, поэтому приводится обширный перечень признаков, по которым данные системы отличаются друг от друга (подробнее см.: [6, с. 177]). К признакам органичных систем обычно относят наличие не только структурных связей и связей координации, но и связей генетических и связей субординации; механизмов управления; высокой степени зависимости между системой и ее компонентами, при которой элементы сис-

темы лишены способности к самостоятельному существованию (в неорганичном же целом такая зависимость менее тесная, поэтому свойства ее элементов определяются их внутренней структурой, а не структурой целого). Указывается также и на ряд других характеристик, а именно: с усложнением организации органичной системы активность нередко все в большей мере передается от частей к целому; в ходе ее развития происходит качественное преобразование частей вместе с целым; устойчивость неорганичных систем обусловлена стабильностью элементов (*напротив, необходимым условием устойчивости органичных систем является постоянное обновление их элементов*); внутри органичного целого существуют подсистемы, жесткая детерминированность связи между ними и целым реализуются через отсутствие однозначной детерминации в поведении элементов и подсистем [6, с. 177–179].

Итак, «органичная система есть саморазвивающееся целое, которое в процессе своего индивидуального развития проходит последовательные этапы усложнения и дифференциации» [6, с. 177]. К органичным системам обычно относят биологические, психологические, социальные, экономические и сложные технические системы, а также более сложные комплексные образования типа географических, геологических и т. п. систем.

Вместе с тем всеми авторами признается, что между указанными видами систем (как между целостными и суммативными системами, так между неорганичными и органичными системами) абсолютной градации не существует. Поскольку мы являемся сторонниками позиции, согласно которой системами признаются только целостные образования, то вопрос о суммативности далее будет нами рассматриваться исключительно в аспекте характеристики качества внутрисистемных связей. При этом считаем уместным использовать в дальнейшем (при характеристике гражданско-правовой законодательной системы) высказанную в литературе идею о том, что «одна и та же система с разных сторон и в различной степени выступает то как целостное образование, то как агрегат», памятуя о том, что системами являются только целостные образования и в

связи с этим можно говорить только о градации целостности [17, с. 15].

Следующий вид систем – это целенаправленные системы (системы целенаправленного поведения, целесообразные, целеподобные). В литературе они представлены как большой класс систем, имеющий подвиды (адаптивные, открытые, самовоспроизводящиеся, развивающиеся). В.Г. Афанасьев, характеризуя данные системы, указывает, что особенность «систем социального порядка состоит в том, что всем им присущи все перечисленные качества – целенаправленность, адаптивность, открытость, самовоспроизведение и развитие» [3, с. 52]. По мнению В.А. Асеева, например, «под “целесообразными”, а лучше сказать, целеподобными системами понимаются системы, детерминируемые их конечными (“целевыми”) состояниями» [4, с. 89].

Таким образом, именно многообразие систем и столь же большое многообразие параметров каждой отдельной системы являются причиной широкой палитры взглядов на систему и множества их классификаций.

Вопрос об отнесении права и законодательства к тому или иному виду систем в юридической литературе являются малоизученным. При этом позиции ученых по названной проблеме значительно разнятся. Следует также отметить, что существо взглядов здесь в значительной мере определяется избранными теми или иными авторами отправными методологическими точками, то есть используемыми ими классификациями систем, предлагаемыми философской наукой. Наиболее часто встречается классификация права и законодательства в виде дихотомии «органичная – суммативная».

Так, В.М. Сырых по характеру взаимосвязи элементов разграничивает органические и суммативные (механические) системы, исходя из того, что взаимодействие элементов органической системы приводит к образованию качественно нового явления, а суммативная система, являясь простым конгломератом составляющих ее частей, не образует качественно нового явления и отличается от своих компонентов только в количественном отношении. Применительно к системе «советских нормативных актов» делается вывод о том, что она является органической сис-

темой вследствие иерархической зависимости между нормативными актами [15, с. 35, 43].

Вместе с тем позиция автора видится нам противоречивой, поскольку он утверждает буквально следующее: «Знания о качественном различии органических и суммативных систем позволяет более четко определить различия между системой права и системой законодательства (суммативным явлением, позволяющим объединение норм не только по объективным критериям, но и по субъективным основаниям, в соответствии с разрешаемыми задачами), а также увидеть необоснованность выдвижения отдельных обособленных норм законодательства в качестве новых отраслей права». Следовательно, система законодательства, по мысли автора, относится к суммативным явлениям, а система «советских нормативных актов» – к органическим. При этом разграничение между системой законодательства и системой нормативных актов не проводится. Кроме того, напрашивается вывод, что система законодательства не имеет признака иерархичности, поскольку данным признаком, по утверждению В.М. Сырых, обладают только органические системы. Однако именно иерархическая связь нормативных актов является определяющим моментом в характеристике системы.

Указанным автором предлагается и другая классификация систем правовых явлений: суммативная, иерархическая и синтетическая. Однако далее они рассматривает уже не в качестве систем, а как типы структурных связей, характеризующих соответственно суммативную или органическую системы [15, с. 36, 38–46].

С.В. Поленина, исходя из деления систем на органичный и суммативный виды, относит и право, и законодательство к типу органичных систем [10, с. 5]. Иногда автор использует иную терминологию, говоря об органической (органичной) структуре [11, с. 21; 12, с. 37].

В известной монографии «Система советского законодательства» на основе дихотомии «неорганические и органические системы» и право, и законодательство рассматриваются в качестве неорганичных систем [14, с. 6]⁶.

С.С. Алексеев отмечает, что право, будучи социальным явлением, представляет собой нечто среднее между «просто» организованной и органичной системами и одновре-

менно оно тяготеет «к типу органичных систем» [2, с. 12–13]. Вместе с тем С.С. Алексеев пишет: «Здесь есть и своего рода закономерность: в праве заложен потенциал быть органичным образованием, но оно никогда не может быть завершенной органичной системой» [2, с. 13].

Изложенные выводы, с которыми мы солидарны, можно с полной уверенностью отнести и к законодательству, поскольку автор рассматривает кодификацию как средство развития права как системы и исходит из того, что уровень «отработанности, совершенства законодательства» прямо влияет на причисление права либо к типу «просто организованных систем», либо к типу органичных систем.

Еще раз подчеркнем, что мы рассматриваем суммативность как категорию, характеризующую качество внутрисистемных связей, и понимаем под системами только целостные образования, допуская при этом градацию целостности.

Гражданско-правовая законодательная система состоит из нормативных правовых актов, (их групп) различных по юридической силе, и по правовой природе содержащихся в них норм (отраслевых и комплексных актов). При этом «площадь соприкосновения» отраслевых актов более обширна, чем комплексных. Первые взаимодействуют с аналогичными актами и системой в целом на уровне органичных связей, а вторые – по сути, на уровне связей, близких к суммативным. Однако последнее обстоятельство не нарушает целостности гражданско-правовой законодательной системы, поскольку, несмотря на то, что она никогда не может быть завершенной органичной системой, в ней наличествует потенциал быть органичным образованием.

На основе проведенного анализа видов систем гражданско-правовую законодательную систему можно охарактеризовать как социальную целенаправленную искусственную сложную систему, стремящуюся быть завершенной органичной системой. Она является материальной системой в силу существования в объективной действительности (в виде совокупности нормативных правовых актов, содержащих нормы гражданского права). Вместе с тем ее можно представить в виде идеальной системы, поскольку позна-

ние первой не может быть осуществлено иначе как через формирование определенной идеальной модели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Иногда говорят о простых, сложных и сверхсложных объектах системы [7, с. 157 (автор – Ю.А. Урманцев)].

² Иногда употребляется термин «интегральные свойства» [8, с. 257].

³ По его мнению, существуют низшие и высшие формы порядка.

⁴ Иногда категорию «суммативность» используют для характеристики не только системы, но и ее структуры [16, с. 7–9, 12].

⁵ Заметим, что в литературе для обозначения названных систем используются различные термины: «органичная система», «органическая система», «органичная структура», «органическая структура». Иногда различные термины применяются в рамках одной работы.

⁶ При этом авторами монографии также используются термины «неорганические» и «органические» системы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, А. Н. Системное познание мира: методологические проблемы / А. Н. Аверьянов. – М.: Политиздат, 1985. – 263 с.
2. Алексеев, С. С. Советское право как система: методологические принципы исследования / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1974. – № 7. – С. 11–18.
3. Афанасьев, В. Г. Системность и общество / В. Г. Афанасьев. – М.: Политиздат, 1980. – 368 с.
4. Ахлибининский, Б. В. Принцип детерминизма в системных исследованиях / Б. В. Ахлибининский, В. А. Ассеев, И. М. Шорохов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. – 136 с.
5. Блауберг, И. В. Системный подход: предпосылки, проблемы, трудности / И. В. Блауберг, В. Н. Садовский, Э. Г. Юдин. – М.: Знание, 1969. – 48 с.
6. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин. – М.: Наука, 1973. – 270 с.
7. Диалектика познания сложных систем / под ред. В. С. Тютютина. – М.: Мысль, 1988. – 316 с.
8. Кузьмин, В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса / В. П. Кузьмин. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – 312 с.
9. Очерки по диалектическому материализму / отв. ред. Л. Я. Станис. – М.: Наука, 1985. – 479 с.

10. Поленина, С. В. Взаимодействие системы права и системы законодательства в современной России / С. В. Поленина // Государство и право. – 1999. – № 9. – С. 5–10.

11. Поленина, С. В. Система советского законодательства / С. В. Поленина // Советское государство и право. – 1975. – № 11. – С. 18–25.

12. Поленина, С. В. Теоретические проблемы системы советского законодательства / С. В. Поленина. – М. : Наука, 1979. – 205 с.

13. Садовский, В. Н. Основания общей теории систем : Логико-методологический анализ / В. Н. Садовский. – М. : Наука, 1974. – 279 с.

14. Система советского законодательства / под ред. И. С. Самошенко. – М. : Юрид. лит., 1980. – 328 с.

15. Сырых, В. М. Основные принципы внутренней организации правовых явлений как систем органического и суммативного типа / В. М. Сырых // Проб-

лемы совершенствования советского законодательства : Труды ВНИИСЗ. – М., 1974. – № 1. – С. 35–46.

16. Сырых, В. М. Структура, генезис, система как элементы исторического и логического познания права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Сырых Владимир Михайлович. – М., 1970. – 16 с.

17. Тюхтин, В. С. Отражение, системы, кибернетика / В. С. Тюхтин. – М. : Наука, 1972. – 254 с.

18. Урманцев, Ю. А. Начала общей теории систем / Ю. А. Урманцев // Системный анализ и научное знание. – М. : Наука, 1978. – С. 7–41.

19. Фофанов, В. П. Социальная деятельность как система / В. П. Фофанов. – Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1981. – 306 с.

20. Яковлев, В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений / В. Ф. Яковлев. – 2-е изд., доп. – М. : Статут, 2006. – 240 с.

ISSUES OF CLASSIFICATION IMPLEMENTATION TO SYSTEMS WITHIN THE CIVIL LEGISLATIVE SYSTEM

V.D. Rusanova

The article deals with an attempt to apply the propositions of general theory of systems about the types of systems to the interpretation of the civil legislative system. In this case it is concluded that the latter is a complex purposeful artificial system that seeks to be a complete organic system. It is argued that it can simultaneously act as a material system and an ideal one.

Key words: *system, classification of systems, organic system, inorganic system, summative, law, legislation, civil legislative system.*